

Мадмуазель Кокотка / новелла

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Мадмуазель Кокотка / новелла МАДМУАЗЕЛЬ КОКОТКА

Когда мы выходили из дома умалишенных, я заметил в углу двора высокого, худощавого человека, который настойчиво подзывал воображаемую собаку. Нежным, ласковым голосом он звал:

— Кокотка, миленькая моя Кокотка, иди сюда. Кокотка, иди сюда, иди, моя красавица!

При этом он похлопывал себя по ляжке, как будто приманивая собаку. Я спросил врача:

— Кто это такой?

Он ответил:

— Ах, это неинтересный больной. Это кучер, по имени Франсуа, он сошел с ума после того, как утопил свою собаку.

Я стал упрашивать:

— Расскажите мне его историю. Ведь самые простые, самые незначительные события иной раз больше всего хватают нас за сердце.

Вот что рассказал об этом человеке другой конюх, его товарищ.

В предместье Парижа жила семья богатого буржуа. Они занимали виллу, выстроенную посреди парка, на берегу Сены. У них был кучер Франсуа, деревенский парень, слегка туповатый, добродушный, простак, которого ничего не стоило обмануть.

Однажды вечером, когда он возвращался после отлучки, за ним увязалась собака. Сперва он не обратил на нее внимания, но она так упорно шла за ним по пятам, что он волей-неволей обернулся. Он стал присматриваться, не знакома ли ему эта собака. Нет, он видел ее в первый раз.

Это была сука, ужасающей худобы, с огромными отвислыми сосками. Она семенила за ним, жалкая, изголодавшаяся, поджав хвост и прижав уши, замирала на месте, когда он останавливался, и опять плелась сзади, едва он трогался в путь.

Он хотел было прогнать этот живой скелет и крикнул:

– Пошла вон! Говорят тебе, убирайся! Пшла! Пшла!

Она отбежала на несколько шагов и присела, видимо, выжидая; но когда кучер пошел дальше, она снова потащилась вдогонку.

Он нагнулся и сделал вид, что подбирает камни. Собака отбежала подальше, раскачивая дряблыми сосками, но тотчас же возвратилась, едва Франсуа повернулся к ней спиной.

Тут кучеру стало жалко собаку, и он ее позвал. Она робко подошла, выгибая хребет, такая худая, что казалось, ребра вот-вот порвут ей шкуру. Он потрепал собаку по костлявой спине и, тронутый ее плачевным видом, сказал:

– Ладно уж, пойдем!

Он тотчас же завиляла хвостом, радуясь, что ее принимают, признают своей, и, забежав вперед, затрусила перед новым хозяином.

Он поместил ее в конюшне, на соломенной подстилке; потом сбегал на кухню за хлебом. Наевшись до отвала, собака свернулась клубком и заснула.

На другой день кучер рассказал хозяевам про собаку, и они разрешили ему оставить ее у себя. Она казалась ласковой, преданной, умной и тихой.

Но вскоре у нее обнаружился ужасный недостаток. Она круглый год предавалась любви. В короткое время она спуталась чуть ли не со всеми псами в округе, и они рыскали день и ночь вокруг виллы. Любому из псов она оказывала благосклонность с безразличием уличной девки, прекрасно ладила со всеми и таскала за собой целую свору, где были самые разнообразные представители лающего племени, одни величиною с кулак, другие – с доброго осла. Она водила их по дорогам, совершая нескончаемые прогулки, и, когда присаживалась отдохнуть на траве, они располагались возле нее кружком и созерцали ее: высунув язык.

Местные жители считали ее каким-то феноменом, – таких случаев еще не приходилось наблюдать. Ветеринар, и тот не мог понять, в чем дело.

Когда она возвращалась вечером к себе в конюшню, свора псов начинала форменную осаду усадьбы. Они пробирались в парк,

протискиваясь между кустами живой изгороди, разрывали грядки, топтали цветы, копали ямы на клумбах, приводя в отчаяние садовника. Они были всю ночь напролет, окружив конюшню, где спала их подруга, никакими силами нельзя было их разогнать.

Днем они ухитрились даже пробираться в дом. Это было настоящее нашествие, напасть, бедствие! Хозяева то и дело встречали на лестнице и даже в комнатах маленьких желтых шавок с хвостом виде султана, охотничьих собак, бульдогов, одичалых волкодавов, бездомных бродяг со свалявшейся от грязи шерстью и огромных ньюфаундлендов, от которых с плачем убегали дети.

Теперь в этих краях стали шататься собаки, никому не известные на целых десять лье в округности; неведомо откуда они являлись, неведомо чем кормились и через некоторое время бесследно исчезали.

А между тем Франсуа обожал Кокотку. Он назвал ее Кокоткой без тени насмешки, хотя она вполне заслуживала это название, беспрестанно твердил: «Такая умная тварь, – совсем как человек. Только что не говорит!»

Он заказал ей великолепный ошейник из красной кожи с медной бляшкой, на которой были выгравированы слова: «Мадмуазель Кокотка, кучера Франсуа».

Она стала огромной. Насколько прежде она была худа, настолько теперь сделалась тучной, а под ее раздутым животом по-прежнему болтались длинные отвислые соски. Быстро растолстев, она, подобно тучным людям, тяжело ступала, растопырявая лапы, тяжело дыша открытой пастью, не в силах пробежать и нескольких шагов.

Она обнаружила феноменальную плодовитость, – едва успев ощениться, нагуливала новых щенят и производила на свет четыре раза в год по целому выводку крохотных песиков, принадлежавших ко всем разновидностям собачьей породы. Франсуа оставлял одного, чтобы у нее «сошло молоко», а остальные собирал в свой кожаный фартук и без всякой жалости топил в реке.

Но вскоре к жалобам садовника присоединила свои жалобы и кухарка. Она обнаруживала собак в буфете, в чулане, где хранился уголь, повсюду – вплоть до печки, и они тащили все, что только им попадалось.

Наконец, хозяин, потеряв последнее терпение, приказал Франсуа отделаться от Кокотки. Огорченный малый стал искать, куда бы ему пристроить собаку. Никто ее не брал. Тогда он поручил одному возчику завезти ее подальше и бросить в поле по ту сторону Парижа, возле Жуанвиль-ле-Пон.

В тот же вечер Кокотка возвратилась.

Надо было принимать серьезное решение. За пять франков собаку согласился захватить начальник поезда, идущего в Гавр. Он должен был выпустить ее по прибытии туда.

На третий день к вечеру Кокотка притащилась на конюшню, взъерошенная, отощавшая, исцарапанная, чуть живая.

Хозяин разжалобился и оставил ее в покое.

Но вскоре псы возвратились еще в большем количестве, еще более остервенелые, чем раньше. И однажды вечером, когда хозяин давал большой обед, какой-то дог утащил фаршированную трюфелями пулярку прямо из-под носа у кухарки, которая не решилась вырвать у него птицу.

На этот раз хозяин не на шутку рассердился и, позвав Франсуа, гневно сказал ему:

– Если вы до завтрашнего утра не утопите эту тварь в реке, я вас выставлю за дверь, слышите?

Конюх был как громом поражен; он поднялся к себе в каморку, чтобы уложить свои вещи в чемодан, так как предпочитал уйти с места. Потом он сообразил, что ведь все равно его никуда не примут, если он будет таскать за собой эту беспокойную тварь; подумал о том, что служит в порядочном доме, получает хорошее жалованье и харчи, и решил, что, по правде сказать, собака не стоит всех этих благ. В конце концов, собственные интересы взяли верх, и Франсуа решил покончить с Кокоткой на рассвете.

Он плохо спал в эту ночь. На заре он встал, захватил крепкую веревку и пошел за собакой. Она медленно поднялась с подстилки, встряхнулась, лениво потянулась и, виляя хвостом, подошла к хозяину.

У него упало сердце, и он начал нежно обнимать собаку, гладить ее длинные уши и, целуя в морду, называл ее всеми ласковыми именами, какие только знал.

Но вот где-то рядом часы пробили шесть. Надо было действовать.

Он распахнул дверь и сказал: «За мной!» Животное завиляло хвостом, радуясь, что они идут гулять.

Подойдя к реке, он выбрал самое глубокое место, затем привязал веревку одним концом к ее нарядному кожаному ошейнику и, подобрав большой камень, обвязал его другим концом веревки. Схватив Кокотку, он стал тискать ее в объятиях, нежно целуя, словно расставаясь с дорогим существом. Он прижимал ее к груди, баюкал, называл; «Красавица моя Кокоточка, милая моя Кокоточка!», а она только повизгивала от удовольствия.

Раз десять он собирался бросить ее в реку, и всякий раз у него не доставало мужества.

Но вот он решился и изо всех сил швырнул ее в воду, как можно дальше от берега. Она попыталась было плыть, как во время купания, но камень тянул голову ко дну, и она мало-помалу стала погружаться в реку; собака бросала на своего хозяина умоляющие, прямо человеческие взгляды, барахтаясь, как тонущий человек. Затем вся передняя часть ее туловища погрузилась в воду, а задними лапами она отчаянно махала над водой; потом скрылись и они.

Еще добрых пять минут пузыри поднимались и лопались на поверхности реки, словно вода в ней кипела, а Франсуа стоял как потерянный, вне себя от ужаса, с бурно бьющимся сердцем; ему казалось, что он видит, как его Кокотка корчится в предсмертных судорогах на тинистом дне, и в крестьянской своей простоте спрашивал себя: «Что думает обо мне сейчас эта животиная?»

Он чуть не помешался; он проболел целый месяц и всякую ночь видел во сне свою собаку; он чувствовал, как она лижет ему руки, он слышал ее лай. Пришлось позвать врача. Наконец, он стал поправляться, и в конце июня хозяева увезли его в свое имение Бьессар, под Руаном.

Там он снова очутился на берегу Сены. Он начал купаться. Каждое утро он шел на реку вместе с конюхом, и они переплывали Сену.

И вот однажды, когда они весело барахтались в воде, Франсуа вдруг крикнул своему товарищу:

— Смотри-ка, что это там плывет? Сейчас я тебя угощу

котлеткой.

Это была падаль – огромный, раздувшийся, облезлый труп собаки плыл по течению вверх ногами.

Франсуа подплыл к нему, загребая саженками; он продолжал шутить:

– Эх жаль, мяско не больно свежее, зато много, смотри, как гора!

И он плавал вокруг огромного разлагающегося трупа, держась на некотором расстоянии от него.

Но вдруг он замолк и стал присматриваться к падали с каким-то странным вниманием, потом подплыл ближе, словно хотел к ней прикоснуться. Он пристально рассматривал ошейник; потом протянул руку, схватил труп собаки за шею, так что он завертелся в воде, притянул его совсем близко к себе и прочитал на позеленевшей медной бляшке: «Мадмуазель Кокотка, кучера Франсуа».

Мертвая собака разыскала своего хозяина за шестьдесят лье от дома!

У Франсуа вырвался нечеловеческий вопль, и он в ужасе поплыл к берегу, не переставая кричать. Выбравшись на берег, он, как был, голый, пустился бежать сломя голову куда глаза глядят. Он сошел с ума!

* * *

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод М. Мошенко. Некаýalar